
ОБЯЗАТЕЛЬСТВО *ERGA OMNES* В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ

© 2015 Солнцев Александр Михайлович
Российский университет дружбы народов
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
E-mail: a.solntsev@gmail.com

Статья посвящена анализу обязательств *erga omnes* в международном экологическом праве по материалам решений Международного суда ООН и доктрины международного права.

Ключевые слова: международное экологическое право, обязательства *erga omnes*, *jus cogens*, доктрина международного права, Международный суд ООН.

Международное экологическое право является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей международного права¹. В этой отрасли есть своя существенная специфика. Она более, чем другие отрасли, ориентирована на защиту общего блага, в сохранении которого заинтересовано все международное сообщество. В регулировании международного экологического права существенное место занимают негосударственные территории, т.е. части морского пространства, не подлежащие национальному присвоению, Антарктика, космическое пространство. Правовой режим негосударственных территорий напрямую определяется нормами международного права (например, международными договорами о рыболовстве и использовании живых ресурсов открытого моря), а также специальными положениями национального права в отношении своих граждан (например, национальными законами о судоходстве)².

Плюс ко всему есть и своя специфика на государственных территориях. В нашем современном глобализирующемся мире суверенитет и территориальное верховенство не являются “абсолютными”. Необходимо принимать во внимание общие интересы международного сообщества, что выражается в определенных правовых ограничениях государственной власти. В науке говорится даже о “функционализации государственной власти”, а в некоторых случаях и природных ресурсов. В этом контексте можно привести в пример Конвенцию ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.³ Ценность определенных объектов крайне высока, и сохранение их осуществляется в интересах всего человечества. Конкретная обязанность по охране объектов возлагается на государство, на

территории которого они находятся. Конвенция о биоразнообразии 1992 г. также реализует концепцию общественного интереса, общей ответственности. Конвенция возлагает обязанность охраны на все государства, но подчеркивает суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей экологической политике. Безусловно, нет императивной нормы, обязывающей государства создавать заповедники в наиболее уязвимых и биологических ценных районах или запрещать определенные виды пользования (вырубку леса, охоту, строительство и т.п.). Однако есть соответствующие договорные режимы в этом отношении. Природа не знает границ, и трансграничный характер загрязнений лишь подчеркивает необходимость совместных действий всего международного сообщества. Их исследование и использование, добыча и сохранение ресурсов, охрана окружающей среды, использование в целях развития связи или в целях обороны и т.д. - все это не может быть урегулировано одним единственным носителем высшей власти в рамках его компетенции на территориально-правовой основе. Это обстоятельство усложняет задачи регламентации.

Явление глобализации отражается в универсализации международного права, в появлении новых обязательств *erga omnes*, а в целом - в повышении ответственности каждого члена международного сообщества за свои действия. Это же явление глобализации ведет к активизации международных отношений, к вовлечению в международно-правовое регулирование новых отношений. Явление глобализации придает новое значение нормальному ходу всех существующих международных отношений, демонстрирует настоятельную необходимость предотвращения не

только военной угрозы, но и экономических, экологических и гуманитарных кризисов.

В современной науке международного права есть суждение о том, что обязательства *erga omnes* вытекают также из норм международного экологического и международного космического права, поскольку предусмотренные данными отраслями международного права такие термины, как, например, “общие экологические угрозы” или “общее наследие человечества”, свидетельствуют о регулировании соответствующих правоотношений за рамками национальных юрисдикций государств, выводя их на международно-правовой уровень. По мнению К.Л. Сазоновой, квалификация обязательств, предусмотренных международным экологическим правом, в качестве *erga omnes* меняет восприятие рассматриваемой концепции в целом, поскольку смещает акцент в сторону предотвращения экоцида или нераспространения ядерного оружия⁴. Однако, на наш взгляд, не только в этих областях.

В научных трудах все чаще обращают внимание на необходимость обеспечения защиты общественных интересов, что говорит об изменяющейся структуре международного правового порядка⁵. Заметную роль в развитии этого процесса играет Международный суд ООН. Общеизвестно, что именно в решении Международного суда ООН по делу компании “Барселона трэкин” впервые прозвучало понятие “обязательства *erga omnes*”, что означает “обязательства государства перед международным сообществом в целом”⁶. Тем самым Суд дал определение понятию “обязательства перед международным сообществом в целом” вместе с обязательствами перед всеми государствами, обладающими соответствующими правами, в противоположность понятию “взаимные обязательства одного государства перед другим государством” в рамках их двусторонних отношений, в которых соответствующими правами обладает лишь второе государство. Суд пришел к выводу, что с учетом важности прав, о которых идет речь, все государства, которые могут рассматриваться как имеющие законный интерес к обеспечению своей защиты, берут на себя обязательства *erga omnes*. Например, Суд в двух случаях - решение по Восточному Тимору 1995 г.⁷ и решение по строительству стены 2004 г.⁸ - выносил решение, согласно которому уважение принципа самоопределения является правом и обязательством *erga*

omnes. В последнем случае Суд выразил мнение, что обязательства *erga omnes* по своему характеру тождественны общей заботе всех государств и что ввиду важности прав, о которых идет речь, можно утверждать, что все государства имеют законный интерес к обеспечению своей защиты. Следует также сказать, что Суд рассмотрел характер обязательств по Конвенции о геноциде при разбирательстве трех дел: “Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)”⁹; “Вооруженная деятельность в Конго” (Конго против Руанды)¹⁰ и “Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Хорватия против Сербии)”¹¹.

Обязательства *erga omnes* в контексте международного экологического права рассматривались Международным судом ООН в 1970-х гг. в делах о ядерных испытаниях¹². Так, Австралия в своем заявлении по делам об испытаниях ядерного оружия обратилась к Суду с просьбой “вынести в судебном порядке решение о том, что проведение новых испытаний ядерного оружия в южной части Тихого океана противоречит действующим нормам международного права, и убедить Французскую Республику отказаться от дальнейших его испытаний”¹³. И хотя до этого, 22 июня 1973 г., Судом уже принимались временные меры, 20 декабря 1974 г. он вынес окончательное решение, указав в нем, что цель заявителей, требовавших прекратить ядерные испытания, считается достигнутой после объявления Францией о том, что она отказывается от продолжения ядерных испытаний в атмосфере и что теперь от Суда не требуется проводить производство по поданным заявлениям¹⁴. Следует отметить, что Австралия подала заявление о возбуждении этого дела, руководствуясь стремлением защитить не только свои интересы, но и интересы других государств, поскольку, по ее мнению, ядерные испытания Франции являются нарушением свободы морского пространства. В своем заявлении она, в частности, указала, что морское пространство не статично; его жизненные системы сложны и тесно взаимосвязаны друг с другом. Поэтому очевидно, что никто не может утверждать, что загрязнение, особенно радиоактивное, в одном месте не может иметь последствий для других мест. Игнорирование Судом соображений такого рода означало бы невы-

полнение им своих функций по защите судебными средствами интересов международного сообщества¹⁵. По данному вопросу с особым мнением выступили судьи Ониема, Диллард, Хименес де Аречага и Уолдок, заявившие: “Что касается права на свободу от ядерных испытаний, которым, согласно заявлению Австралии, она обладает вместе с другими государствами, то мы вновь сталкиваемся с вопросом о законных интересах, который, на наш взгляд, является частью общей юридической базы рассматриваемого дела. Если бы материалы, предоставленные Австралией, убедили бы Суд в существовании общей нормы международного права, запрещающей испытания ядерного оружия в атмосфере, от Суда одновременно потребовалось бы четко установить характер и содержание этой нормы, в частности выяснить, наделяет ли она каждое государство правом в индивидуальном порядке добиваться через Суд соблюдения этой нормы. Коротко говоря, вопрос о законном интересе не может рассматриваться в отрыве от субстантивного правового вопроса, касающегося факта существования и сферы действия указанной нормы международного обычного права. Хотя мы признаем, что так называемый принцип *actio popularis* международного права толкуется по-разному, замечания, высказанные Судом по делу “Барселона трэкшн”¹⁶, с достаточной убедительностью демонстрируют, что данный вопрос можно рассматривать как один из тех, которые способны обеспечить логическое обоснование и предмет разбирательства в Суде”¹⁷. Таким образом, судьи, высказавшие коллективное особое мнение, воздержались от определения тех значительных последствий, которые может повлечь обязанность *erga omnes* в материальном праве с точки зрения процессуального права. Эта явное различие между материальным правом и процессуальным правом представляет собой главный недостаток, присущий концепции “обязательства *erga omnes*”.

Статья 192 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. предусматривает общее обязательство, которое можно охарактеризовать как обязательство *erga omnes*, т.е. как обязанность государств защищать и сохранять морскую среду. Данное положение является важнейшей составляющей использованного в Части XII Конвенции подхода к обеспечению охраны и сохранности морской среды¹⁸. Хотя базовая структура Кон-

венции ООН по морскому праву 1982 г. опирается на распределение бремени расходов на охрану морской среды в соответствии с районами разграничения морского пространства, важно отметить, что в Конвенции, тем не менее, присутствует зонтичная оговорка, касающаяся общей обязанности государств охранять морское пространство. Следует отметить далее, что упоминание об общей обязанности охранять некоторые виды природных ресурсов присутствует и в других международных соглашениях, в том числе в ст. 20 Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков и в проекте ст. 10 проекта статей по праву трансграничных водоносных горизонтов¹⁹. Эти документы были разработаны на базе ст. 192 Конвенции по морскому праву²⁰. В комментарии к Конвенции по водотокам говорится, что ввиду общего характера обязательства, сформулированного в этой статье, Комиссия высказалась за то, чтобы данная статья предшествовала другим более конкретным статьям²¹.

В Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г.²² говорится, что стороны, “желая положить конец заражению окружающей человека среды радиоактивными веществами” (преамбула), обязуются запретить, предотвращать и не производить любые испытательные взрывы ядерного оружия и любые другие ядерные взрывы в... атмосфере” (ст. 1). Хотя участниками этого договора до сих пор являются 124 государства (по состоянию на февраль 2015 г.), после того, как в 1974 г. Франция объявила о своем намерении прекратить испытания ядерного оружия в атмосфере, сегодня представляется маловероятным, чтобы какое-либо государство осмелилось нарушить достигнутый благодаря Договору частичный запрет на испытания ядерного оружия, который через нормы международного обычного права стал обязательным для всех государств²³.

В консультативном заключении Международного суда ООН по запросу Генеральной Ассамблеи 1996 г.²⁴ относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения Суд задался вопросом, приведет ли применение ядерного оружия к нанесению серьезного ущерба окружающей среде, в том числе, возможно, и глобальной атмосфере. Суд согласился с тем, что окружающая среда ежедневно подвергается угрозе, что

применение ядерного оружия может стать катастрофой для окружающей среды... и что окружающая среда - это не абстрактное понятие, а среда обитания, от которой зависят качество жизни и здоровье людей, в том числе и еще не родившихся²⁵. Суд определил, что существование общей обязанности государств обеспечить, чтобы подпадающая под их юрисдикцию и контроль деятельность не создавала угрозы для окружающей среды других государств или районов, которые они не контролируют, сейчас является частью свода норм международного права, касающихся охраны окружающей среды.

Само собой разумеется, что понятие “общая обязанность государств” охватывает и такие глобальные аспекты охраны атмосферы, как разрушение озонового слоя и изменение климата. Пункт 1 ст. 2 (“Общие обязательства”) Конвенции по охране озонового слоя 1985 г. гласит, что “Стороны принимают надлежащие меры... для защиты... от неблагоприятных последствий... изменяющих или способных изменить состояние озонового слоя. В пункте 1 ст. 3 (“Принципы”) Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. говорится, что “Сторонам следует защищать климатическую систему на благо нынешнего и будущих поколений...”, принцип, который, как представляется, распространяется и на развитые, и на развивающиеся страны. Вышепротитированное предложение квалифицирует фразу “в соответствии с их общей, но дифференцированной ответственностью и имеющимися у них возможностями”. Слова “общая ответственность” обуславливают, что все государства несут общую обязанность защищать климатическую систему и что степень ответственности должна быть “дифференцированной” в зависимости от “имеющихся у них возможностей”.

Что касается вопроса, можно ли также считать, что трансграничное загрязнение воздуха двустороннего и регионального характера подпадает под общую обязанность охранять атмосферу, то налицо прочная связь между трансграничным загрязнением воздуха и глобальными проблемами разрушения озонового слоя и изменения климата, и если на последние категории распространяется понятие “общей обязанности”, то и первые также должны рассматриваться как подпадающие под нее.

В заключение хотелось бы высказать следующее мнение. Существование различных обя-

зательств *erga omnes* в международном экологическом праве зафиксировано в международных договорах и решениях Международного суда ООН, что подчеркивает существование соответствующих норм *jus cogens* в международном экологическом праве.

¹ Копылов М.Н., Копылов С.М., Мохаммад С.М.А. Краткий очерк истории международного экологического права: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М.Н. Копылова. Москва, 2015. С. 3.

² Международное право / Вольфганг Граф Виттум [и др.]. Москва ; Берлин, 2011. С. 501.

³ Солнцев А.М. Вопросы соблюдения государствами положений Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года // Правовые проблемы охраны окружающей среды : сб. ст. по материалам Юбилейной X междунар. науч.-практ. конф., 7 июня 2012 г. / под науч. ред. И.А. Соболя. Санкт-Петербург, 2012. С. 151-155.

⁴ Сазонова К.Л. Ответственность государств и международных организаций за неправомерное применение силы в международном праве: теория и практика. Москва, 2014.

⁵ См.: Абашидзе А.Х. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений : монография / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. Москва, 2008. С. 45-52; Ключня А.Ю. Соотношение императивных норм международного права и обязательств *erga omnes* // Евразийский юридический журнал. 2015. № 3. С. 54-58; Исполинов А.С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6; Сазонова К.Л. К вопросу о соотношении международных преступлений государства, норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* в современном международном праве // Право и политика. 2013. № 9. С. 1175 - 1181.

⁶ I.C.J. Reports. 1970. P. 32, para. 33.

⁷ East Timor (Portugal v. Australia), Judgment of 5 February 1995 // I.C.J. Reports. 1995. P. 105, para. 29.

⁸ Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion of 9 July 2004 // I.C.J. Reports 2004. P. 172, para. 88; p. 199, para. 155.

⁹ Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), Preliminary Objections, Judgment of 11 July 1996 // I.C.J. Reports. 1996. P. 616, para. 31.

¹⁰ Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda), Judgment of 3 February 2006 // I.C.J. Reports. 2006. P. 31-32, para. 64.

¹¹ Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia) Judgment of 3 February 2015 // I.C.J. Reports. 2015. Paras. 87-88.

¹² Солнцев А.М. Практикум по международному экологическому праву. Москва, 2011. С. 45-51.

¹³ Memorial by Australia, Pleadings // I.C.J. Reports. 1973. P. 338-343, paras. 46-485.

¹⁴ Nuclear Tests case (Australia v. France) (Interim Measures) // I.C.J. Reports 1973. P. 99; (Jurisdiction), I.C.J. Reports. 1974. P. 253; (New Zealand v. France) (Interim Measures) I.C.J. Reports 1973. P. 135; (Jurisdiction), I.C.J. Reports. 1974. P. 457.

¹⁵ Memorial on Jurisdiction and Admissibility submitted by the Government of Australia // I.C.J. Pleadings, Nuclear Tests Cases. Vol. 1. P. 337-338.

¹⁶ "Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited case" (Second Phase) // I.C.J. Reports. 1970. P. 32.

¹⁷ I.C.J. Reports. 1974. P. 312; paras. 116-117.

¹⁸ United Nations Convention on the Law of the Sea 1982: Commentary / Myron H. Nordquist [et al.], eds. Vol. IV. Dordrecht, Martinus Nijhoff Publishers. 1990. P. 36.

¹⁹ Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Подземные воды - новый объект международно-правового регулирования // Международное право - International law. 2009. № 1 (37). С. 180-201.

²⁰ See: Yearbook..., 1994, vol. II, Part Two. P. 118; Official Records of the General Assembly, Sixty-third session, Supplement No. 10 (A/63/10). P. 55.

²¹ Ibid. P. 118.

²² Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 480. P. 44.

²³ Хотя в Суде Договор о запрещении ядерных испытаний под углом зрения норм международного обычного права не рассматривался в силу, как посчитал Суд, спорности этого вопроса, Суд, тем не менее, указал на целесообразность его рассмотрения (Особое мнение судьи Оньемы и его коллег. С. 368).

²⁴ I.C.J. Reports 1996. P. 241.

²⁵ Ibid. Para. 29.

Поступила в редакцию 02.04.2015 г.